СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАДЕЖИ ПРОИЗВОДСТВА ДЕЙСТВИЯ В ДЕТЕРМИНАТИВНОМ НЕМЕЦКОМ КОМПОЗИТООБРАЗОВАНИИ С ЛЕКСИКО-ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИЕЙ

© А. Н. Яковлюк

*Национальный государственный университет
физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта
Россия, 190121 г. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, 35.*

Тел.: +7 (960) 282 88 36.

Современный немецкий язык характеризуется исключительно продуктивностью образования различных видов сложных слов, представляющих собой структурный минимум выражения семантико-синтаксических отношений, которые могут быть выявлены в эксплицирующих их развернутых синтаксических структурах, т.е. трансформациях и перефразисах. Большую роль в композитообразовании современного немецкого языка играют модели внутренней валентности полисемичного слова, на основе которых формируется минимальный контекст и создаются композиты с лексико-дифференцирующей функцией. Данное композитообразование осуществляется на базе семантических падежей, одна из групп которых рассматривается в настоящей статье.

Ключевые слова: словосложение, словообразование, модель, семантический падеж, лексикология.

Современная лингвистическая наука рассматривает словообразование немецкого языка в виде системы моделей, существующих не изолированно, а образующих единый живой организм словопроизводства по определенным законам, причем ценность моделирования заключается в том, чтобы модель обладала обобщенным значением, независимым от конкретного лексического наполнения [3, с. 32]. Принимая во внимание мысль Р. З. Мурсова об уникальной специфике немецкого имени существительного в концептуализации мира [4, с. 56] и огромную роль словосложения в рамках словообразования современного немецкого языка, можно с полным правом утверждать, что весомое значение в словообразовательных процессах имеют модели внутренней валентности полисемичного слова, на основе которых формируется минимальный контекст, создаются композиты с лексико-дифференцирующей функцией (ЛДФ), и которые принципиально не должны интерпретироваться как языковые единицы [3, с. 55].

С целью определения семантики детерминативных субстантивных сложных слов с ЛДФ необходимо обратиться к семантическим связям между конститuentами композитов. Подобный анализ можно осуществить на основе семантического синтаксиса с применением системы семантических валентностей падежной грамматики.

История валентностной падежной грамматики насчитывает уже более полувека, но в первых лингвистических исследованиях главное место занимала синтаксическая сторона валентности при оставлении в тени ее семантических характеристик.

Лишь спустя определенный период времени зарубежные и отечественные лингвисты начинают уделять все больше внимания именам существительным, прилагательным и другим частям речи.

Например, Б. Зандберг как отрицательную сторону в теоретических работах отмечает отсутствие для всех существительных единой модели валентности [8, с. 275–279]. Имена существительные все чаще и чаще становятся предметом лингвистических исследований зарубежных языковедов, которые стараются решать вопросы общности и различия валентности глаголов и существительных, существительных и прилагательных и многие другие проблемы на основе активного привлечения семантики исследуемых явлений.

Первые работы в отечественной лингвистике, посвященные теории валентности, принадлежат перу С. Д. Кацнельсона, исследовавшего русский язык, и труды которого стали благодатной почвой для использования идей теории валентности в других языках.

Постепенно и в отечественной лингвистике круг изучаемых проблем стал неизбежно расширяться: в него начали входить семантические характеристики и особенности существительного и прилагательного; исследования зарубежных и отечественных ученых нередко объединялись, что являлось свидетельством их общих научных интересов.

Так, например, М. Д. Степанова и Г. Хельбиг в работе «Части речи и проблема валентности в современном немецком языке» исследуют парадигматические и синтагматические свойства частей речи в немецком языке. Лингвисты уделили внимание глаголу, имени существительному, имени прилагательному, причастию, наречию, рассматривая валентность как главную силу в синтагматике слов [6].

Значимым для исследования немецкого словосложения стало введение М. Д. Степановой термина «внутренняя валентность» слова [9].

Поскольку в теории валентности между лингвистами и на сегодняшний день существуют опре-

деленные терминологические разногласия, касающиеся даже самого термина «валентность», автору представляется целесообразным дать свое видение термина и определить валентность как обусловливаемую ее семантической характеристикой способность языковой единицы вступать в синтагматическое окружение.

Данное определение не претендует на универсальность, оно является в определенной степени трактовкой термина в узком понимании (так, например, в нем не отражена формальная валентность односторонних единиц языка) и должно служить целям установления позиции автора в рассмотрении теоретических и практических вопросов.

Находясь на позиции признания универсального характера валентности, нельзя не прийти к выводу, что, как и в синтаксических конструкциях, когда носителем активной валентности является какой-то один член словосочетания, а не целое словосочетание, так и в сложном немецком слове носителем активной валентности будет один из компонентов композитного образования. А факт добавления к носителю валентности актанта (создание сложного слова в нашем случае) должен рассматриваться уже как реализация валентности языковой единицы в конкретном синтагматическом окружении, которая может быть определена как «сочлененность».

Таким образом, мы говорим не о внутренней валентности сложного слова как целостного образования, а о внутренней валентности одного из его компонентов (о внутренней валентности сложного слова можно говорить в случае наличия у него многозначности, приравняв его к несложному многозначному слову).

Несмотря на то, что в лингвистической литературе иногда встречается мнение, что корневые слова внутренней валентностью не обладают, способность современного немецкого языка использовать в речи композитное образование, совпадающее одним из компонентов по форме с формой многозначного слова и по семантике стопроцентно с лексико-семантическим вариантом, позволяет утверждать, что несложное полисемичное слово немецкого языка обладает внутренней валентностью, которая реализуется в узком или окказиональном создании композитного образования для дифференциации своего лексико-семантического варианта.

Так как валентность любой языковой единицы рассматривается в литературе как отражение семантических связей между языковыми единицами, базирующимися на определяемых ими явлениях реальной действительности, то и определяющими саму суть валентности в самом общем виде будут безотносительные к какому-либо конкретному языку логические законы и отношения, носящие универсальный характер.

Данные логические законы являются основой падежной грамматики, которая впервые нашла свое отражение в синтаксических исследованиях Л. Тенньера, использовавшего понятия актанта и сирконстанта, придав им семантическое истолкование.

В целях обозначения синтаксической семантики единицы представители падежной грамматики применяют термин «глубинный (семантический) падеж», название которого образуется от названий соответствующих участников ситуации. В получаемой триаде «участник ситуации» – «семантический падеж» – «реализация семантического падежа» первый и третий члены триады представляют собой конкретные единицы, а второй является инвариантной единицей.

Количество семантических падежей варьируется в лингвистических исследованиях (от двух до более чем пятидесяти), причем тождество названий падежей у разных авторов не является индикатором тождественности их смыслового содержания. Интересно отметить, что даже в классификации одного и того же автора нередко можно столкнуться с количественными изменениями в составе падежей, см., например, классификацию Ч. Филлмора, которая в разное время колебалась в количественном отношении представленных семантических падежей.

Рассматриваемые в научной литературе семантические падежи понимаются как специфическая функция именной группы, которая предполагает иерархическую упорядоченность и от которой, в свою очередь, зависят определенные синтаксические процессы, в первую очередь – выбор субъекта, когда субъектом предложения выбирается такая именная группа, которая связана с самым высоким по рангу падежом.

Основываясь на постулатах, что словообразование относится к разряду областей языка, входящих своими частями в грамматику, с одной стороны, и в словарный состав языка, с другой, и учет такой двусторонней связи становится существенным в процессе усвоения нового словарного запаса и грамматического строя немецкого языка [2] и что «именное словосложение – это микросинтаксис» [1, с. 241–242], лингвисты начали использовать семантические падежи в теории композитообразования, выделяя в настоящее время более тридцати типов логической взаимосвязи между частями сложных слов.

Наиболее часто логическая связь между конституентами композитных образований прослеживается на основе использования при их образовании семантического падежа «агентив», который является одним из самых традиционных глубинных падежей, применяемых в области синтаксиса.

«Под агенсом понимается семантический конструкт, представляющий собой носитель, источник действия, признака, состояния, независимо от его формальной репрезентации в поверхностной структуре» [5, с. 66].

В данной статье «агентив» рассматривается в качестве семантического падежа, обозначающего как одушевленного, так и неодушевленного участника ситуации, производящего активные действия любого типа, осуществляемые в соответствии с намеченным планом или при его отсутствии:

Stich m

ЛСВ: укус (насекомого, змеи) – Insektenstich, Schnakenstich, Schlangenstich

Bewegung f

ЛСВ: (общественное) движение; (массовое) выступление – Massenbewegung

ЛСВ: воен. маневр; движение, передвижение – Truppenbewegung

Garbe f

ЛСВ: воен. сноп (траекторий); веер (об огне); очередь (из автомата) – Maschinengewehrgarbe

Hub m

ЛСВ: ход (поршня), длина хода – Kolbenhub

Untergang m

ЛСВ: закат, заход (светила) – Sonnenuntergang

Zug m

ЛСВ: тяга, движение; струя (воздуха); сквозняк; (сквозной) ветер – Windzug

ЛСВ: вдох; затяжка (при курении) – Lungenzug

Schlag I m

ЛСВ: удар, раскат (грома); стук, грохот – Donnerschlag, Blitzschlag

ЛСВ: щелканье, пение (соловья, зяблика) – Vogelschlag, Nachtigallenschlag, Finkenschlag

Andrang m

ЛСВ: напор; наплыв; давка – Massenandrang

От рассмотренного семантического падежа следует принципиально отличать семантический падеж «акциональ», который также связан с производимым действием, но направлен на демонстрацию действия, совершаемого в определяемом участнике ситуации:

Arena f

ЛСВ: перен. арена (борьбы, деятельности) – Kampfarena

Anstalt f

ЛСВ: учреждение, заведение; институт – Versuchsanstalt

ЛСВ: закрытое учебное заведение – Lehranstalt, Bildungsanstalt, Erziehungsanstalt

ЛСВ: больница; (психиатрическая) лечебница; санаторий, пансион – Heilanstalt, Arbeitsanstalt, Pflegeanstalt

Halle f

ЛСВ: павильон; пассаж; крытый рынок; ряды – Kaufhalle, Verkaufshalle

Семантический падеж «продуцентив» выражает факт получения в результате деятельности определяемого одушевленного или неодушевленного (значительно реже) участника ситуации отсутствующего до нее неодушевленного предмета или явления (определяющего участника ситуации):

Meiler m

ЛСВ: костер для выжигания угля – Kohlenmeiler, Holzkohlenmeiler

ЛСВ: ядерн. реактор – Atommeiler

Gans f

ЛСВ: гусь – Schnattergans

Bohrer m

ЛСВ: тех. сверло, бурав; горн. буровой снаряд – Lochbohrer

Bläser m

ЛСВ: стеклодув – Glasbläser

Bande f

ЛСВ: уст. актерская труппа (б.ч. бродячая) – Musikbande

Gießler m

ЛСВ: полигр. словолитчик – Schriftgießer

Базой понимания значения падежа «инструменталь» является положение У. Чейфа, в соответствии с которым «под инструментом подразумевается определенный объект, играющий какую-то роль в осуществлении процесса, но не являющийся движущей силой, причиной или инициатором действия. Он является вспомогательным средством агента...» [7, с. 176].

Инструментальный падеж понимается в работе как средство презентации участника ситуации, благодаря которому становится возможной и производится определенная деятельность. Инструмент способен обнаруживаться не только «в чистом виде», но и проявляться как средство, делающее реальным определенное действие (например, часть тела):

Stich m

ЛСВ: укол (иглой) – Nadelstich

ЛСВ: укол (фехтование); удар холодным оружием – Degenstich, Messerstich

Abschuß m

ЛСВ: выстрел, производство выстрела; выстреливание (снаряда); запуск (ракеты) – Geschützabschuß

Wirbel m

ЛСВ: барабанная дробь – Trommelwirbel

Zeuge m

ЛСВ: юр. свидетель – Augenzeuge

Anruf m

ЛСВ: вызов, звонок (по телефону) – Telefonanruf

Marsch m

ЛСВ: марш, походное движение, поход – Fußmarsch

Riß m

ЛСВ: чертеж, рисунок; план; эскиз; проекция – Federriß

Семантический падеж «объектив» – это падеж, который объединил черты традиционно выделяемых во многих работах в области синтаксиса падежей «объектив» и «пациентив».

Под объектом в работе понимается неодушевленный предмет/явление (в большинстве случаев), а также одушевленное лицо, которые подвергаются

определенному воздействию, что может вызвать изменение их характеристик:

Ausschüttung f

ЛСВ: выплата, распределение (дивидендов, выигрышей) – Dividendenausschüttung, Gewinnausschüttung

Abtreibung f

ЛСВ: мед. аборт – Fruchtabtreibung

Herabsetzung f

ЛСВ: снижение, понижение (напр. цены, нормы), скидка; сокращение (напр. зарплаты) – Preisherabsetzung, Lohnherabsetzung

Haltung f

ЛСВ: ведение (конторских книг) – Buchhaltung

Eingabe f

ЛСВ: ввод (данных в вычислительную машину) – Dateneingabe

Scheidung f

ЛСВ: юр. развод, расторжение брака – Ehescheidung

В заключение хочется отметить, что группа семантических падежей, рассмотренная в статье как «падежи производства действия», является настолько востребованной и значимой в системе моделей современного немецкого языка, что она оказывает определенное воздействие на семантические падежи, которые к производству действия

имеют лишь опосредованное отношение, как, например, падеж «экзистенциальный», который предполагает существование определяющего участника ситуации в рамках (пространственных и/или временных) определяемого участника ситуации, например, Alter n – ЛСВ: стаж, срок выслуги; старшинство – Dienstalter, когда компонент Dienst может быть рассмотрен как «производство действия, служение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Просвещение. 1979. 447 с.
2. Мурысов Р. З. Грамматика производного слова (на мат-ле суффиксальных существительных нем. яз.): автореф. ... д-ра филол. н. Л., 1990. 40 с.
3. Мурысов Р. З. К понятиям «модель» и «значение» в словообразовании // Вопросы романо-германской филологии: сб. научных трудов. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1975. Вып. 91. С. 52–62.
4. Мурысов Р. З. Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании // Вопросы языкознания. 1999. №4. С. 56–70.
5. Мурысов Р. З. Словообразование и функционально-семантические категории. Уфа: БГУ, 1993. 224 с.
6. Степанова М., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М.: Наука, 1978. 258 с.
7. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
8. Sandberg B. Zur Valenz der Substantive // Deutsch als Fremdsprache. М., 1982. Н. 5. S. 272–279.
9. Stepanowa M. D. Die Zusammensetzung und die „innere Valenz“ des Wortes // Deutsch als Fremdsprache. 1967. Heft 6. S. 335–351.

Поступила в редакцию 30.04.2019 г.

SEMANTIC CASES OF ACTION PRODUCTION IN GERMAN DETERMINATIVE COMPOSITE FORMATION WITH LEXIS DIFFERENTIATING FUNCTION

© A. N. Yakovluyk

*P.F. Lesgaft National State University of Physical Training, Sport and Health
35 Dekabristov Street, 190121 St. Petersburg, Russia.*

Phone: +7 (960) 282 88 36.

The modern German language is exclusively characterized by the productivity of forming various kinds of compound words, representing the structural minimum of expressing semantic-syntactic relations, which can be revealed in expanded syntactic structures, i.e. transformations and paraphrases, which make them explicit. The article represents an attempt to highlight the semantic aspect of valence as research object, while the syntactic side of the problem has been the center of linguists' attention until now. Moreover, valence problems were studied in terms of verbs, whereas such large parts of speech as nouns and adjectives were neglected. The article consistently claims that it is appropriate to speak about the inner valence of one of the components of a compound word, rather than the inner valence of a compound word as a whole. Patterns of internal validity of a polemical word, on which basis the minimum context and composites with lexis differentiating function are formed, play a great role in composite formation of the modern German language. Such composite formation is realized on the basis of semantic cases. The article deals with one of these groups.

Keywords: composition, word-formation, pattern, semantic case, lexicology.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Prosveshchenie. 1979.
2. Muryasov R. Z. *Grammatika proizvodnogo slova (na mat-le suffiksalykh sushchestvitel'nykh nem. yaz.): avtoref. ... d-ra filol. n. Leningrad*, 1990.
3. Muryasov R. Z. *Voprosy romano-germanskoi filologii: sb. nauchnykh trudov*. Moscow: MGPIIYa im. M. Toreza, 1975. No. 91. Pp. 52–62.
4. Muryasov R. Z. *Voprosy yazykoznaniya*. 1999. No. 4. Pp. 56–70.
5. Muryasov R. Z. *Slovoobrazovanie i funktsional'no-semanticheskie kategorii* [Word formation and functional-semantic categories]. Ufa: BGU, 1993.
6. Stepanova M., Khel'big G. *Chasti rechi i problema valentnosti v sovremennom nemetskom yazyke* [Parts of speech and the valency problem in contemporary German language]. Moscow: Nauka, 1978.
7. Cheif U. *Znachenie i struktura yazyka* [The meaning and structure of language]. Moscow: Progress, 1975.
8. Sandberg B. *Deutsch als Fremdsprache*. Moscow, 1982. H. 5. Pp. 272–279.
9. Stepanowa M. D. *Deutsch als Fremdsprache*. 1967. Heft 6. Pp. 335–351.

Received 30.04.2019.